
Улыбка Венеры
Джеймс Баллард
VINTAGE CLASSICS

Шалость Венеры [Улыбка Венеры]

Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Шалость Венеры [Улыбка Венеры]

Аннотация

Если вам однажды подарят футуристического вида металлическую статую, которая при этом издает странные звуки — откажитесь от нее. Потом может оказаться, что вы заполучили подарок несколько большего объема, чем вам бы хотелось.

Джеймс Баллард

Шалость Венеры [Улыбка Венеры]

Низкие ноты в разгар дня.

Когда мы уезжали после открытия, моя секретарша Кэрол спросила:

— Надеюсь, мистер Гамильтон, вы понимаете, каким дураком себя выставили?

— Не будь жестокой, — взмолился я. — Откуда мне было знать, что Лоррейн Дрексел сделает что-то… такое?

— Пять тысяч долларов, — протянула секретарша задумчиво. — Просто груда старого металлолома. Но этот шум! Вы хоть видели ее предварительные наброски? Для чего существует художественная комиссия?

Мои секретарши всегда говорили со мной подобным образом, и только тогда я смог понять, где кроется причина. Остановив машину в тени деревьев в конце площади, я оглянулся. Стулья были убраны, и небольшая толпа уже собралась вокруг статуи, с любопытством глазея на нее. Какой-то турист постучал по одной из стоек, и тонкий металлический скелет заходил ходу-

ном. Но статуя устояла, и пронзительный вопль, необычайно громкий в чистом утреннем воздухе, все еще несся из ее раструба. Прохожим только и оставалось, что скрипеть зубами.

— Рэймонд Мэй демонтирует ее сегодня днем, — заверил я секретаршу, — если на это кто-то до него не сподобится. Интересно, где сейчас мисс Дрексел?

— Не беспокойтесь, в Алых Песках вы ее больше не увидите. Держу пари, она уже на полпути к Ред-Бич.

— Не будь жестокой, — с понурым видом снова попросил я Кэрол. Вероятно, так Медичи смотрел на Микеланджело… — Ты, кстати, прекрасно выглядишь в этой новой юбке.

— Ой, мистер Гамильтон, таким дешевым комплиментом вы мне зубы не заговорите.

— Ладно, попытка была хороша. Но, в конце концов… кто мы такие, чтобы судить…

— Чтобы судить, нас — *вас* — и назначают. Вы ведь были в Комитете, я права?

— Дорогая, — терпеливо объяснил я, — виноват во всем не я, а эта орущая статуя.

До самой конторы мы ехали молча. Кэрол злилась — ей пришлось стоять со мной на одной кафедре, когда зрители стали смеяться над моей

речью на открытии. Впрочем, утро и без этого выдалось жутким. На Экспо-75 или Венецианской биеннале такое, может, и сошло бы с рук, но не в сонном царстве Алых Песков.

Когда комиссия дала добро на построение поющей статуи на площади в центре Алых Песков, мы с Рэймондом Мэем решили отдать проект на воплощение местным мастерам. В Песках проживали десятки профессиональных скульпторов, но только трое соизволили предстать перед Комитетом лично. Первые двое были огромными бородатыми мужчинами с зычными голосами и фантастическими задумками; один предлагал воздвигнуть вибрирующий алюминиевый пилон высотой сто футов, другой — скульптурную группу в виде отдыхающей семьи, состоящую из пятнадцати тонн базальта, насыпанного на мегалитическую ступенчатую пирамиду. Члены комиссии только и делали, что хватались — кто за голову, кто за сердце.

Третьим скульптором оказалась женщина по имени Лоррейн Дрексел. Когда-то эта весьма элегантная и своенравная особа в шляпке и с глазами, похожими на черные орхидеи, была моделью на короткой ноге с Джакометти и Джонни Кейджем. В синем платье китайского националь-

ного кроя, украшенном кружевными змеями и другими эмблемами стиля модерн, Лоррейн восседала перед нами — ни дать ни взять Саломея, сбежавшая из мира Обри Бёрдсли[1]. Огромные глаза ее изучали нас с почти что гипнотическим спокойствием, как будто выискивая в нас, парочке рассыпающихся в любезностях дилетантов из Комитета Искусств, некое уникальное внутреннее свойство.

В Алых Песках она прожила всего три месяца. На пути сюда ее ждали такие примечательные остановки, как Берлин, Калькутта и Чикагский Центр Модерна. Большая часть ее скульптур — по состоянию на тот примечательный день — являлась воплощением в форме не то индуистских, не то просто тантрических мотивов, и мне сразу вспомнился ее короткий, но яркий роман со всемирно известным популярным певцом, восторженным поклонником ситара[2] — позже он погиб в автомобильной аварии. В тот момент,

---

[1] Примечания: 1

Обри Винсент Бёрдсли (иногда Бердслей, Бирдсли) — английский художник-график XIX века, книжный иллюстратор, декоратор, поэт. Один из видных представителей английского «Эстетического движения» и символизма в изобразительном искусстве периода модерна.

[2] Примечания: 2

Ситар — струнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни, используемый для исполнения индийской классической музыки.

однако, мы не задумались как следует о скулящих четвертьтонах того адского инструмента, столь чуждого здешнему уху. Лоррейн показала нам альбом своих скульптур, интересных хромовых конструкций, выгодно отличавшихся от тиража иллюстраций в последних художественных журналах. Договор был состряпан за каких-то полчаса.

Впервые я увидел статую в тот день — за тридцать секунд да того, как начал свое выступление перед общественностью из Алых Песков. Почему никто из нас не потрудился ознакомиться с детищем заранее — ума не приложу. Название, отпечатанное на пригласительных билетах, «*Звук и Квант: Генеративный Синтез — 3*» само по себе звучало подозрительно, а уж общая форма задрапированной статуи и вовсе пугала. Я-то ожидал стилизованную человеческую фигуру, но под пологом, судя по всему, крылось нечто вроде обычной антенны радиолокационного контроля. Тем не менее Лоррейн Дрексел спокойно сидела рядом со мной на трибуне, внимательным взглядом мягких глаз изучая наплывающую толпу. Мечтательная улыбка придавала ей вид этакой одомашненной Моны Лизы.

О том, что мы увидели после того, как Рэймонд

Мэй стянул драп, я стараюсь не думать. Вместе с пьедесталом статуя была высотой в двенадцать футов. Три тонкие металлические ножки, украшенные шипами и крестовинами, тянулись от цоколя к треугольной вершине. К ней была прикреплена зубчатая конструкция, которая на первый взгляд казалась старой радиаторной решеткой «бьюика». Она была согнута в неровную U-образную дугу пяти футов в поперечнике, и две ее руки торчали горизонтально, неся на себе по ряду звуковых ядер, каждое — как зубец огромного гребня около фута длиной. По всей статуе, очевидно в случайном порядке, были приварены двадцать или тридцать филигранных лопастей. Вся эта конструкция из поцарапанного хрома имела потускневший вид, как потрепанная непогодой антенна на крыше дома.

Немного испугавшись первых пронзительных возгласов, издаваемых статуей, я начал свою речь — и озвучил уже половину, когда заметил, что Лоррейн Дрексел поднялась со своего места и встала рядом со мной. Люди в зале тоже начали вставать и затыкать уши, крича Рэймонду, чтобы он заглушил это отродье дьявола. Шляпа пролетела по воздуху над моей головой и аккуратно приземлилась на одно из звуковых ядер. Статуя

теперь издавала прерывистый пронзительный вой, похожий на кошачий, — наверное, так она подражала звукам ситара, и я бы даже отметил достоверность воспроизведения, не грози моя черепушка вот-вот треснуть. В ответ на улюлюканье и протесты конструкция вдруг принялась гудеть, точно отчаливающий поезд, и от каждого гудка в теле будто бы кости ходили ходуном.

Когда зрители начали массово покидать свои места, я сбился с настроя и заикался до самого конца своей речи. Плач статуи прерывался криками и насмешками. Потом Кэрол резко дернула меня за руку, ее глаза вспыхнули. Рэймонд Мэй нервно махнул на все рукой.

Мы трое остались одни на платформе, ряды перевернутых стульев тянулись через площадь. В двадцати ярдах от статуи, начавшей жалобно хныкать, стояла Лоррейн Дрексел. Я ожидал найти на ее лице ярость и возмущение, но вместо этого в ее неподвижных глазах отразилось спокойное и непримиримое презрение вдовы в трауре, оскорбленной на похоронах мужа. Пока мы неловко ждали, глядя, как ветер уносит разорванные программки, она развернулась на своих подбитых алмазами пятках — и пошла через площадь прочь.

Никто больше не хотел иметь ничего общего со статуей, поэтому мне ее в итоге подарили. Лоррейн Дрексел покинула Алые Пески в день, когда сомнительное произведение искусства демонтировали. Прежде чем она отбыла, Рэймонд коротко переговорил с ней по телефону. Я предположил, что разговор выдался довольно неприятный, и не стал подслушивать по совмещенной линии.

— Ну так что? — спросил я, когда трубки были повешены. — Она требует ее назад?

— Нет. — Рэймонд казался слегка озадаченным. — Сказала, что статуя теперь наша.

— Наша — в смысле, наша с тобой?

— Наша — в смысле, для всех. Общественное достояние. — Рэймонд налил себе виски из графина, стоявшего на столике на веранде. — Она сказала это — и рассмеялась, представь себе!

— Вот как. Что же тут смешного?

— Понятия не имею. Она лишь добавила, мы еще дорастем до любви к этой статуе.

Пристроить детище было некуда, и я распорядился поставить ее в саду. Без каменного пьедестала эта штуковина насчитывала всего шесть футов в высоту. За кустарниками она притихла и стала излучать приятные мелодичные гармонии — мягкие рондо переливались в полуденном

зное. Рев ситара, разбрасываемый статуей на площади подобно яростному воззванию Лоррейн к своему мертвому возлюбленному, исчез совсем, словно изгнанный демон. Я был столь ошеломлен катастрофой на церемонии открытия, что почти не изучил статую толком. Что ж, в моем саду она выглядела куда лучше, чем в центре Алых Песков. Через несколько дней я почти забыл о ней.

Примерно через неделю после обеда мы сидели на террасе, развалившись в шезлонгах. Я уже почти заснул, когда Кэрол сказала:

— Мистер Гамильтон, мне кажется, она движется.

— Кто?

Секретарша подалась вперед, склонив голову набок.

— Статуя. Она выглядит как-то иначе.

Я сосредоточил взгляд на силуэте в двадцати футах от меня. Решетка радиатора наверху слегка наклонилась, но три антенны-стебля все еще казались более или менее вертикальными.

— Должно быть, дождь прошлой ночью размягчил землю, — сказал я, прислушавшись к тихим мелодиям, кружившимся в теплых воздушных вихрях. Лениво откинувшись назад, я вновь утратил к творению Лоррейн Дрексел интерес. Кэрол

закурила сигарету — на это ушло у нее четыре спички — и прошла через веранду.

Когда я проснулся через час, она уже снова сидела в шезлонге, нахмурив лоб.

— Что стряслось? — поинтересовался я. — Видок у тебя встревоженный.

Потом кое-что привлекло мое внимание, и…

— А ты права, — сказал я, с минуту разглядывая статую. — Она движется.

Кэрол кивнула. Очертания статуи заметно изменились. Решетка превратилась в открытую гондолу, тональные ядра которой, казалось, вывернулись к небу, и три антенны теперь отстояли друг от друга на большее расстояние. В целом геометрия постройки как-то неуловимо изменилась.

— Я так и думала, что в конце концов вы это заметите, — сказала Кэрол, когда мы подошли. — Из чего она сделана?

— Кованое железо, если мне не изменяет память. Но в ней, должно быть, много меди или свинца. Скорее всего, она проседает от жары.

— Проседают вниз, а она вытягивается вверх.

Я дотронулся до одной из подпорок. Та упруго трепетала под моей ладонью, когда воздух приводил хаотично размещенные лопасти в

движение; ее вибрации никак не желали сходить на нет. Вцепившись в подпорку обеими руками, я попытался удержать ее на месте. Низкий, но отчетливый пульс тогда охватил и меня.

Я попятился, отирая с рук отслоившийся хром. Моцартовские гармонии исчезли, и теперь статуя издавала серию низких аккордов, наводящих на мысли об этюдах Дворжака. Пока Кэрол стояла босиком, я вспомнил, что высота, которую мы задали Лоррейн Дрексел, была ровно два метра. Но статуя была на добрых три фута выше Кэрол, по меньшей мере шесть-семь футов в поперечнике. Лонжероны и стойки выглядели толще и прочнее, чем прежде.

— Кэрол, — сказал я. — Принеси мне резак, пожалуйста. В гараже наверняка есть один.

Она вернулась с двумя напильниками и ножовкой.

— Вы распилите ее на металлолом? — с надеждой осведомилась она.

— Дорогая моя, это оригинальная работа Лоррейн Дрексел. — Я взял один из напильников. — Я просто хочу убедиться, что не схожу с ума.

Я начал делать небольшие надрезы по всей статуе, стараясь, чтобы они выходили точно на ширине напильника. Металл был мягким и легко

поддавался «обработке»; на поверхности было много ржавчины, но под ней меня ждал яркий сочный блеск.

— Славно, — подытожил я, закончив. — Теперь пойдем выпьем чего-нибудь.

Засев на веранде, мы стали ждать. Поглядывая время от времени на статую, я готов был клясться, что она неподвижна. Но когда час спустя мы вернулись, гондола снова развернулась — и повисла над нами огромной металлической пастью.

Не было никакой необходимости сверять расстояние между надпилами. Все оставленные инструментом метки были теперь по крайней мере вдвое дальше друг от друга.

— Мистер Гамильтон, — подала голос Кэрол, — посмотрите вот сюда.

Она указала на один из шипов. Сквозь внешнюю чешую хрома торчали острые маленькие соски. Несомненно, это были зарождающиеся певчие ядра.

Я внимательно осмотрел остальную часть статуи. Повсюду на ней проступали новые побеги металла: дуги, зазубрины, острые двойные спирали, скручивающие первоначальную модель в более сложную конструкцию. Смесь полузабытых звуков, фрагментов сотен увертюр и отголосков

тысяч симфоний образовывала вокруг творения Лоррейн Дрексел своеобразную звуковую ауру. Теперь статуя стала выше двенадцати футов. Я нащупал одну из тяжелых распорок, и пульс стал сильнее, равномерно пробиваясь сквозь металл — словно подгоняемый звуками собственной музыки.

Кэрол наблюдала за мной с напряженным и обеспокоенным видом.

— Все в порядке. — Я махнул рукой в ее сторону. — Эта штука всего-навсего растет.

Мы вернулись на веранду и стали наблюдать.

К шести часам вечера статуя стала размером с небольшое дерево. По саду носились, то и дело сплетаясь друг с другом, энергичные ноты увертюр Брамса и Первого фортепианного концерта Рахманинова.

— Самое странное, — заметил Рэймонд на следующее утро, стараясь перекричать шум, — что это все еще оригинальная работа Дрексел.

— В смысле — произведение искусства?

— Да, и даже больше. Если взять любую ее часть — можно обнаружить, что оригинальные мотивы раз за разом повторяются. Каждая лопасть и каждая спираль исполнена в присущей Дрексел манере, будто она сама их и выплавляла. Надо

признать, что эта склонность к поздним романтическим композиторам немного не вяжется со всей ее ситарной болтовней, но, по-моему, это даже хорошо. Все-таки бетховенские пасторальные симфонии — это вечно, это классика, а ситар — ну… хороший инструмент, что тут еще сказать.

— Когда звучит один ситар — терпимо, но когда звучат все пять фортепианных концертов Бетховена разом, хочется сдохнуть, — кисло заметил я. Болтливое восхищение Рэймонда этим музыкальным чудовищем в саду раздражало меня. Я закрыл окна веранды, жалея, что он сам не установил статую в гостиной своей квартиры в центре города. — Я так понимаю, штука эта не будет расти вечно?

— Да, как нам с ней быть? — спросила Кэрол, принесшая Рэймонду еще порцию виски.

Тот пожал плечами беспечно.

— А чего вы так беспокоитесь? Если начнет докучать — распилите ее, и делу конец. Но все же хорошо, что мы не оставили ее в Алых Песках…

Кэрол коснулась моей руки.

— Мистер Гамильтон, возможно, именно этого и ожидала Лоррейн Дрексел. Она хотела, чтобы это безумие начало распространяться по всему городу, чтобы музыка сводила всех с ума…

— Не делай из мухи слона, — осадил ее я. — Рэймонд прав — мы в любой момент можем ее распилить и расплавить.

— Почему бы не начать уже сейчас?

— Хочу посмотреть, как сильно эта штука вымахает, — сказал я. На самом деле мои мотивы были чуть сложнее. Очевидно, перед тем как уйти, Лоррейн Дрексел каким-то образом превратила статую в инструмент мести всем нам — за то, что высмеяли ее творение. Рэймонд верно заметил — нынешняя палитра классической музыки не имела ничего общего со скорбным нытьем, которое издавала статуя в первую демонстрацию. Были ли те дикие аккорды задуманы как реквием по ее умершему возлюбленному — или даже, возможно, как манящие призывы еще не разбитого сердца? Каковы бы ни были ее мотивы, теперь они растворились в металлическом чудовище, занявшем половину моего сада.

Я смотрел, как статуя медленно тянется через лужайку. Она рухнула под собственной тяжестью и лежала на боку огромной угловатой спиралью, двадцать футов длиной и около пятнадцати футов высотой, этакий скелет футуристического кита. Из нее звучали фрагменты сюиты «Щелкунчик» и «Итальянской симфонии» Мендельсона,

перекрываемые неожиданно громкими отрывками из заключительных частей фортепианного концерта Грига. Выбор классиков, казалось, был специально нацелен на то, чтобы действовать мне на нервы.

Я провел со статуей почти всю ночь. После того как Кэрол легла спать, я выехал на лужайку рядом с домом и включил фары. Статуя почти светилась в темноте, гулко отдаваясь эхом в самой себе, все больше и больше звуковых ядер распускалось в желтом сиянии огней. Постепенно она утратила свою первоначальную форму; зубчатая решетка смялась, а затем выпустила новые стойки и шипы, которые спирально закручивались вверх и ощетинивались вторичными и третичными побегами. Вскоре после полуночи статуя заметно накренилась, а затем — внезапно опрокинулась.

Теперь ее разрастание обрело штопорообразную динамику. Основные очаги наращивания металла вспыхнули на обоих концах этой груды — и темпы роста ускорялись на наших глазах. Когда одна из стоек изогнулась, сквозь отслаивающийся хром просунулась маленькая «ручка». Через минуту та вымахала в шпору длиной в дюйм, утолщалась, начала изгибаться — и через пять минут преобразилась в резонирующее то-

нальное ядро длиной в двенадцать дюймов.

Рэймонд указал на двух моих соседей, стоявших на крышах своих домов в сотне ярдов от меня, встревоженных музыкой, доносившейся до них.

— Скоро здесь будут все жители Алых Песков. Будь я на твоем месте — поместил бы эту штуку под звуконепроницаемый колпак.

— Шутишь? Понадобится целый купол размером с теннисный корт. Пора с ней что-то делать. Попробуй связаться с Лоррейн Дрексел — интересно было бы выведать у нее, что заставляет статую расти.

* * *

С помощью ножовки я отрезал двухфутовую ветку и передал ее доктору Блэкетту, эксцентричному, но дружелюбному соседу, который иногда сам баловался скульптурными поделками. Мы вернулись в относительную тишину веранды. Одно-единственное певчее ядро на ветке испустило несколько случайных нот — фрагменты из квартета Веберна.

— Что об этом думаете, док?

— Образчик замечательный, — сказал Блэкетт, сгибая-разгибая прут. — По пластичности — почти что полимер. — Он глянул в сторону

статуи. — Динамика разрастания — круговая, определенно. Возможно, природа роста фототропная, почти как у растений.

— Это чудище — живое, хотите сказать?

Блэкетт рассмеялся.

— Мой дорогой Гамильтон… конечно же нет! Как такое может быть?..

— Где же тогда оно берет новую материю? Из земли?

— Из воздуха. Пока не уверен на все сто, но думаю, что фигура быстро синтезирует аллотропную форму оксида железа. Иными словами — чисто физическая перестройка составляющих ржавчины. — Блэкетт погладил свои густые щетинистые усы и мечтательно уставился на статую. — В музыкальном плане это довольно любопытно — ужасающее скопление почти всех плохих нот, когда-либо сочиненных. Где-то статуя, должно быть, получила серьезную звуковую травму. Ведет себя так, словно ее оставили на неделю на железнодорожной станции наедине с грохочущими товарняками. Есть идеи, что случилось?

— Никаких. — Возвращаясь с ним к статуе, я прятал глаза. Скульптура, словно учуяв наше приближение, затрубила первые такты «Торже-

ственного марша» Элгара. — Так что, кроме как распилить эту штуку, других способов ее унять — нет?

— Ну да. Тем не менее если она не доставляет особых хлопот — я бы ее оставил. Если моя теория про технологию, имитирующую поведение растений, верна, рано или поздно эта штука перезреет и лопнет. — Доктор протянул руку, пощупал один из отростков. — Стан пока еще тверд, но как подойдет время — раскрошится и распадется, наигрывая самому себе «Реквием» или «Сумерки богов», — что-нибудь такое, торжественно-похоронное. — С этими словами док рассмеялся в усы.

Увы, он совершенно не учел волю Лоррейн Дрексел.

На следующее утро в шесть часов меня разбудил шум. Теперь статуя была длиной в пятьдесят футов и рассекала цветочные клумбы по обе стороны сада. Она звучала так, словно целый оркестр исполнял симфонию Безумного Шляпника посреди лужайки. В дальнем конце, у рокария[3], певчие ядра все еще выводили Мендельсона,

[3] Примечания: 3

Рокарий — садовая композиция из камней и растений, имитирующая естественный горный или скалистый ландшафт.

Шуберта и Грига, но возле веранды их сородичи уже начали издавать резкие и синкопированные ритмы Стравинского и Штокхаузена.

Я разбудил Кэрол, и мы позавтракали в довольно нервной обстановке.

— Мистер Гамильтон! — то и дело вскрикивала она. — Вы обязаны это прекратить!

Щупальцевидные ростки металла добрались до самых стеклянных воротец веранды — с ними их теперь разделял жалкий пяток футов. Самые большие из них насчитывали больше трех дюймов в диаметре — и пульсировали, как тонкие поливочные шланги под давлением воды.

Когда по дороге проехали первые полицейские машины, я зашел в гараж и нашел ножовку. Металл был мягким, лезвие легко вошло в него. Срезая придатки, я сваливал их в кучу в стороне, заставляя случайные ноты взвиваться в воздух. Отделенные от «тела» статуи, фрагменты утрачивали акустическую активность, как и предрекал доктор Блэкетт. К двум часам дня я срезал примерно половину статуи и довел ее до приемлемых пропорций.

— Пока что хватит, — бросил я Кэрол, обошел вокруг и срезал напоследок несколько самых шумных лонжеронов. — Завтра я разберусь с

этим монстром окончательно.

Я едва ли удивился, когда Рэймонд позвонил мне и сказал, что никаких следов Лоррейн Дрексел обнаружить не удалось.

В два часа ночи я проснулся от того, что в спальне разбилось окно. Огромная металлическая спираль выпросталась, словно коготь, сквозь разбитое стекло, ее тональное ядро кричало на меня.

Взошел полумесяц, бросая тонкий серый свет на сад. Даже порядком обкорнанная, статуя стала в два раза больше, чем была прошлым утром. Она распространилась по всему саду спутанной сеткой, как скелет разрушенного здания. Первые щупальца уже добрались до окон спальни, в то время как другие перелезли через гараж и проросли через крышу, срывая оцинкованные металлические листы. По всей статуе тысячи звуковых ядер поблескивали в свете, падающем из окна, — в унисон они выводили финал «Апокалиптической симфонии» Брукнера.

Я постучался в двери спальни Кэрол, к счастью находившейся в другом крыле дома, и взял с нее обещание не выходить в ближайшие часы. Потом я позвонил Рэймонду Мэю. Тот явился через час с кислородно-ацетиленовой горелкой и заправоч-

ными баллонами на заднем сиденье машины.

Статуя росла так быстро, что мы едва успевали укорачивать ее, но без четверти шесть, когда первые лучи солнца прорезали небосвод, нам все-таки удалось опередить эту заразу.

Доктор Блэкетт наблюдал, как мы раскромсали последние фрагменты статуи.

— Там, в рокарии, есть вполне себе гармоничная поросль. Может, хоть ее пощадите?

Я вытер с лица пот и ржавчину, покачал головой:

— О нет, док. Мне очень жаль, но поверьте, одного раза достаточно.

Блэкетт сочувственно кивнул и мрачно уставился на груды железного лома — все, что осталось от статуи.

Кэрол, выглядевшая немного ошеломленной всем происходящим, разливала нам кофе и бренди. Когда мы откинулись на спинки шезлонгов, руки и лица наши чернели от металлических опилок и ржавчины. Усмехнувшись про себя, я подумал, что уж теперь-то никто не посмеет упрекнуть Комитет Искусств в том, что он не посвящает себя проектам всецело.

Я отправился на заключительную экскурсию по саду и выполол поросль, упомянутую Блэ-

кеттом, а затем встретил местного подрядчика, прибывшего со своим грузовиком. Ему и двум его людям потребовался час, чтобы погрузить металлолом — полторы тонны на круг, не меньше — в машину.

— Что мне с этим делать? — спросил он, забираясь в кабину. — Отвезти в музей?

— Нет! — почти крикнул я. — Избавьтесь от него. Закопайте где-нибудь — или, еще лучше, расплавьте. Как можно скорее!

Когда они ушли, мы с Блэкеттом прошлись по саду. Сад выглядел так, словно в него угодил осколочный снаряд. Повсюду — огромные ямы, а та трава, которую не вырвала статуя, была вытоптана нами. Железные опилки усыпали землю, слабая рябь потерянных нот звенела в воздухе.

Блэкетт наклонился и зачерпнул пригоршню опилок.

— Семена зла, друг мой, — сказал он, давая им просыпаться сквозь пальцы. — Уверен, уже завтра вы проснетесь под мессу си минор — и увидите новые всходы. Впрочем, надеюсь, на этом все закончится.

Он был далек от истины как никогда.

Лоррейн Дрексел подала на нас в суд. Должно быть, она наткнулась на газетные репортажи

и решила, что это отличная возможность. Не знаю, где она пряталась, но ее адвокаты материализовались достаточно быстро, размахивая оригиналом контракта и указывая на пункт, в котором мы гарантировали защиту статуи от любого ущерба, который мог быть нанесен ей вандалами, домашним скотом или другими общественными явлениями. Ее главное обвинение касалось ущерба, нанесенного ее репутации, — если бы мы решили не выставлять статую на всеобщее обозрение, стоило бы тихо отправить ее на склад, а не открыто расчленить, а затем продать обломки торговцу металлоломом. Это преднамеренное оскорбление, как настаивали ее адвокаты, тянуло на комиссионные по меньшей мере в пятьдесят тысяч долларов.

На предварительных слушаниях мы вскоре поняли, что, как ни абсурдно, наша одна-единственная существенная трудность состояла в том, чтобы доказать всем не-очевидцам, что статуя действительно росла. Получив небольшую отсрочку, мы с Рэймондом попытались узнать, что стало с кусками творения. Все, что удалось найти, — три маленькие стойки, без намека на разрастание, ржавеющие в песке на краю одной из свалок в Ред-Бич. Видимо, подрядчик к моим

увещеваниям прислушался — и отправил-таки остальную часть статуи на сталелитейный завод для переплавки.

Что ж, оставалось лишь занять глубокую оборону. Мы с Рэймондом засвидетельствовали, что статуя начала расти, а затем Блэкетт выступил в суде с длинной проповедью о том, что, по его мнению, являлось музыкальным недостатком творения Дрексел. Судья, сварливый и вспыльчивый старик-традиционалист, сразу решил, что мы пытаемся его одурачить — так что проиграли мы, не успев толком вступить в разбирательства. Окончательное решение было вынесено только через десять месяцев после того, как мы впервые открыли статую в центре Алых Песков, и приговор не был неожиданным. Лоррейн Дрексел отсудила у нас тридцать тысяч долларов.

— Похоже, надо было все-таки соглашаться на пилон, — сказал я Кэрол, выходя из зала суда. — Даже со ступенчатой пирамидой вышло бы меньше хлопот…

— Ничего страшного, — храбро отозвалась она. — По крайней мере, со статуей покончено.

Я смотрел на крыши Алых Песков, думая о тридцати тысячах долларов и гадая, придется ли мне платить их из своего кармана. Здание суда

было новым, и, по неприятной иронии судьбы, наше дело слушалось там первым. Большая часть пола и штукатурки еще не была закончена, за балконом все еще высились строительные леса. Я стоял на открытой стальной перекладине; одним или двумя этажами ниже кто-то, должно быть, вбивал заклепку в одну из балок, потому что она вибрировала под ногами.

Потом я заметил, что нигде не слышно звуков клепки и что движение под ногами — не столько вибрация, сколько низкий ритмичный пульс.

Я наклонился и прижал руки к балке. Присоединившийся к нам Рэймонд Мэй и секретарша с любопытством наблюдали за мной.

— Мистер Гамильтон, что случилось? — спросила Кэрол.

— Рэймонд, — спросил я, — как давно они начали возводить это здание? Во всяком случае, стальной каркас?

— Думаю, месяца четыре назад. А что такое?

— Четыре, — медленно кивнул я. — Скажи-ка, сколько времени, по-твоему, потребовалось бы любому случайному куску металлолома, чтобы пройти через сталелитейный завод и вернуться в оборот?

— Годы, если он валялся не на тех свалках.

— А если бы он прибыл прямо на завод?

— Месяц или около того. Даже меньше.

Я засмеялся, указывая на балку:

— Ну-ка прикоснись к ней. Давай, попробуй.

Нахмурившись, он опустился на колени и прижал руки к балке. Уставился на меня во все глаза — и мой смех оборвался.

— Что, тоже чувствуешь?..

— Чувствую? — переспросил Рэймонд. — Да я ее *слышу*! Эту статую Лоррейн Дрексел! Она где-то здесь!

Кэрол коснулась балки, прислушалась.

— По-моему, она жужжит, — озадаченно произнесла она. — Похоже на звуки той штуки, да.

Когда я снова начал смеяться, Рэймонд схватил меня за запястье.

— Ну и что тут смешного? Скоро все здание запоет и завоет!

— Знаю, — бросил я в ответ. — И не оно одно. — Я взял Кэрол за руку. — Пойдемте посмотрим, не началось ли уже…

Мы поднялись на верхний этаж. Штукатуры вот-вот должны были заняться им — всюду стояли козлы и планки. Стены по-прежнему светили голыми кирпичами, вдоль них с интервалом в пятнадцать футов выстроились балки.

Долго искать не пришлось.

Из одной из стальных балок под крышей торчала длинная металлическая спираль, медленно переходящая в тонкое певчее ядро. С ходу мы насчитали еще дюжину. Из них доносился слабый звенящий звук, словно ранние отголоски репетиции какого-то огромного оркестра ситаристов. Я вспомнил, когда мы в последний раз слушали такую музыку: когда Лоррейн Дрексел сидела рядом со мной на церемонии открытия в Алых Песках. Тогда статуя взывала к мертвому возлюбленному своего творца, и теперь этот напев готовился зазвучать вновь.

— Узнаю руку мастера, — хмыкнул я. — Такое попробуй не узнать… Пока смотреть особо не на что, но подождите — скоро все заиграет по-настоящему.

Рэймонд застыл с открытым ртом.

— Эта зараза сгубит здание. Только подумай о том, какой шум…

Кэрол смотрела на один из побегов.

— Мистер Гамильтон, вы сказали, что они все переплавили…

— Так оно и было, душа моя. Таким образом, зараза распространилась, перейдя на весь тот металл, в который ее влили в расплавленном

виде. Статуя Лоррейн Дрексел теперь находится и здесь, в этом здании, и в дюжине других зданий, в кораблях, самолетах, в миллионах новых автомобилей. Даже если это всего лишь один винт или шарикоподшипник — и этой малости хватит, чтобы преобразовать весь остальной механизм.

— Проблему как-то решат, уверена, — робко заметила Кэрол. — И все будет кончено.

— Возможно, — согласился я. — Но любовь лазейку найдет…

Я прижал ладони к ушам, чтобы заглушить эту странную абстрактную музыку, по какой-то причине столь же прекрасную сейчас, как были прекрасны задумчивые глаза Лоррейн Дрексел.

— Ты сказала, что все будет кончено? Кэрол, это только начало.

Весь мир будет петь…

1957

Venus Smiles (альтернативное название Mobile). Первая публикация в журнале *Science Fantasy*, июнь 1957.

Перевод О. Макеевой